

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ СРЕДНЕАНГЛИЙСКОЙ ПЬЕСЫ «КРЕЩЕНИЕ» ИЗ ЦИКЛА Н-ТАУН И РАННЕНОВОАНГЛИЙСКОЙ ПЬЕСЫ ДЖ. БЭЙЛА «ПРОПОВЕДЬ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ В ПУСТЫНЕ»

Хавронич Алина Алексеевна

Преподаватель, Высшая Школа Экономики (Москва)

Lene_rocks@mail.ru

STYLISTIC JUXTAPOSITION OF A MIDDLE ENGLISH PLAY «BAPTISM» FROM THE N-TOWN CYCLE AND AN EARLY MODERN ENGLISH PLAY «JOHAN BAPTISTES PREACHYNGE IN THE WYLDERNESSE» BY J. BALE

A. Khavronich

Summary: The research subject is represented by stylistically marked elements and realizations of devices which determine the specificity of two dramatic adaptations of the scriptural plot about John the Baptist — ones related to the Middle English and Early Modern English periods, namely «Baptism» from the mystery cycle of N-Town and «Johan Baptystes Preachynge in the Wyldernesse» by J. Bale. The major categories of elements are viewed from the viewpoint of semantic and metasemiotic features realized in the context as well as types of syntagmatic organization, and these are analyzed from the standpoint of relevant tendencies of the use of the language for artistic purposes. The results of the given comparative stylistic analysis foster the exposure of the directions in which stylistic strategies and means of aesthetic effect production evolved within religious drama from the Middle English to Early Modern English period.

Keywords: English Medieval drama, EmodE religious drama, mystery cycles, J. Bale, stylistically marked elements.

Аннотация: Предметом исследования являются стилистически маркированные элементы и реализации приемов, определяющие своеобразие двух переложений скриптурального сюжета об Иоанне Предтече, относящихся к среднеанглийскому и ранненовоанглийскому периоду, — пьесы «Крещение» из мистериального комплекса Н-Таун и пьесы Дж. Бэйла «Проповедь Иоанна Крестителя в Пустыне». Основные категории единиц рассматриваются и сопоставляются в плане реализуемых в контексте семантических и метасемiotических свойств и типов синтагматической организации, анализируются с точки зрения актуальных тенденций использования языка художественной литературы. Результаты данного сравнительного анализа позволяют выявить основные направления развития стилистических стратегий и средств создания эстетического эффекта в религиозной драме со среднеанглийского по ранненовоанглийский период.

Ключевые слова: английская средневековая драма, ранненовоанглийская религиозная драма, мистериальные циклы, Дж. Бэйл, стилистически маркированные элементы.

К концу XIV в., когда фрагменты Вульгаты были переведены на английский под руководством Дж. Уиклифа, в средневековой Англии были особенно популярны религиозные мистериальные циклы. Как указывает С. Беквит, «мистерии создавались и ставились мирянами на родном [английском] языке в то время, когда перевод Вульгаты с латыни представлял проблему» [11, р. 85]. В XV в. религиозная драма проходит этап постепенной секуляризации, и в начале ранненовоанглийского периода большей популярностью пользуются уже пьесы жанра моралите. Единственным известным образцом ранненовоанглийской художественной литературы, структурно и концептуально соотносящимся с традицией средневековых циклических мистерий, является трилогия протестантского епископа Дж. Бэйла, зафиксированная в «Харлеанской коллекции» (The Harleian

Miscellany I, датируется 1744 г. [9, р. 329] и базируется на утерянном тексте 1538 г.).

В данной статье предлагается со стилистической точки зрения сравнить среднеанглийскую пьесу «Крещение» (Baptism) из «цикла» Н-Таун [2] и ранненовоанглийскую пьесу Дж. Бэйла «Проповедь Иоанна Крестителя в пустыне» (Johan Baptystes Preachynge in the Wyldernesse) [10, р. 481-491] из упомянутой ранее трилогии. Условность терминологического обозначения «цикл» объясняется тем фактом, что рукопись, в которой пьесы Н-Таун зафиксированы (MS Cotton Vespasian d.8), как пишет Л.М. Клоппер, «представляет их, как если бы они формировали цикл от эпизода создания до эпизода Страшного Суда, хотя... являет собой компиляцию пьес изначально разнородного происхождения, которые были сгруппированы автором/составителем не ранее, чем в последнее

десятилетие XV в.» [12, p. 754]. Материал для анализа выбран ввиду существенного содержательного и формального сходства произведений, раскрывающих один и тот же скриптуальный сюжет. Сопоставление стилистических стратегий, задействованных создателями этих религиозных пьес, осуществляется, чтобы, с одной стороны, эксплицировать их стилистическое своеобразие, и, с другой стороны, более глубоко осмыслить некоторые тенденции использования языка художественной литературы в среднеанглийский и ранненовоанглийский период. Выявленные категории стилистически маркированных единиц рассматриваются в статье с помощью лингвостилистического анализа, подразумевающего оценку реализуемых элементом метасемиотических свойств в связи с соотношением этого элемента с другими единицами и средствами (то есть контекстуальными условиями). Для уточнения значений и потенциально актуализируемых метасемиотических свойств единиц автор обращается к корпусному словарю среднеанглийского MED [15] и Хельсинкскому корпусу ICAME-NC [16] (доступ к корпусу предоставлен научной платформой Clarino Bergen Center).

В ходе анализа рассматриваемых пьес обнаруживается такое средство создания эстетического эффекта, как активное введение цитат и аллюзий к Библии. В обоих образцах за единичными исключениями (например, соотносящихся с Книгой пророка Исаии (40:3) [4, p. 132] вставок «Я глас пустыни» (I am the voys of wyldirnese) в пьесе Н-Таун, «Я вопиющего глас» (I am the cryars voice) в тексте Бэйла) через интертекстуальные вкрапления данного типа вводятся расширенные скриптуальные метафоры. Например, в среднеанглийской пьесе Иоанн (Johannes) произносит фразу «Дерево, что бесплодно и не принесет плода,/Хозяин срубит его и бросит в огонь!» (A tre that is bareyn and wyl bere no frute,/The ownere wyl hewe it down and cast it on the fyre!), а в пьесе Бэйла тот же персонаж (Joannes Baptista), обращаясь к саддукеям и фарисеям, изрекает: «Остерегайтесь, если желаете, секира положена к корню» (Be ware if ye lyst, the axe is put to the rote). В обоих произведениях отсылка к Евангелию от Луки (3:9) [5, p. 66] используется авторами для создания эффекта тождества между пьесой и Священным Писанием. В связи с этим представляется целесообразным отметить ориентацию текстов на принцип, который в работах Ю. М. Лотмана обозначается как «сверхупорядоченность плана выражения» [1, с. 326], работающая на эстетику тождества. Введение аллюзий и цитат к Библии в пьесе Бэйла осуществляется для ориентации на каноническую систему («ритуализированное искусство»), что единит данное произведение с корпусом средневековых текстов (включая «Крещение»), где краеугольным поэтологическим принципом является «осуществление предустановленных правил и значимые элементы которых суть элементы заранее данной канонической системы» [Там же, с. 315]. При канонизированной модели

кодировки эти элементы являются деавтоматизированными, не лишенными информационной активности. Помимо упомянутого вкрапления в пьесе «Крещение» задействуется отсылка к Евангелию от Луки (3:17) [3, p. 40] «Зерно, что хорошо, люди сохраняют его полностью чистым,/Сорняки, что просты, не стоят ничего» (Corne that is good, man kepe it ful clene;/Chaff that is sympyl is sett wul nere at nought), и далее этот тезис разъясняется: «Так люди, у кого праведная жизнь, Богом избраны будут,/Когда грешники подобны плевелам, и в ад будут посланы» (So good men of levynge to God chosyn bene/Whan synful men be lyke chaff and to helle shul be brought). В пьесе Бэйла этот же образ развивается: Иоанн, например, указывает, что верующим следует «совершать благотворные поступки милосердия» (exercyse the frutefull dedes of mercye), «показать надлежащие плоды покаяния» (shewe fourth the due frutes of repentaunce), «следовать Христову Евангелию и так процветать» (Folowe Christes Gospell, and therin fructifye). Оказываясь соотносительными с метафорой, развиваемой в введенных цитатах и аллюзиях к Библии, галлицизм 'fruit' и его производные 'fruitful'/'fructifi(en)' реализуют лексическую полифонию номинативного значения ('плод', 'плодоносный', 'принести плод') и переносного значения ('положительный результат', 'благотворный', 'процветать' соответственно). Таким образом, в ранненовоанглийской пьесе интертекстуальные вкрапления, соотносящиеся со Священным Писанием, не только выстраивают развернутую метафору и способствуют восприятию текста как части религиозного дискурса (как в пьесе «Крещение»), но развивают семантический и метасемиотический потенциал других маркированных единиц.

В значительной степени стилистическое своеобразие обеих рассматриваемых пьес определяет наличие существенного количества единиц, которые можно обозначить как конвенциональные лексические элементы и комплексы, закрепленные в религиозном дискурсе (в Священном Писании и других произведениях, составляющих корпус религиозной литературы). В случае пьесы «Крещение» к таким традиционным элементам можно отнести, например, атрибутивный комплекс «Бог власти наибольшей» (Lord of myghtys most), фразу «грех отринуть» (*synne forsake*), а также отдельные высокочастотные единицы, ассоциируемые с религиозными контекстами: 'dampnen' (проклинать), 'forlÿsen' (отвергать), 'venġen' (воздавать отмщение), 'reconcilen' (обрести смирение). В пьесе Бэйла к обсуждаемой категории относятся, в частности, многочисленные традиционные наименования Бога и его ипостасей: «Мессия» (Messias), «наш небесный правитель» (our Heavenly Kyng), «Отец всевечный» (Father everlastynge), «отец всемогущий» (father omnipotent), «великий создатель» (myghty maker), «отец, сын и дух живущий,/Что есть один Бог в ипостасях трех» (The father, the sonne and sprete lyvynge,/Whych are one God in persones thre). Как и в случае рассмотренных

ранее интертекстуальных вкраплений, отсылающих к Священному Писанию, эти устойчивые для религиозного дискурса элементы вводятся в обеих пьесах для реализации принципов эстетики тождества, ориентации на каноническую систему. Однако Бэйл, в отличие от авторов среднеанглийской пьесы, организует и эти традиционные элементы таким образом, чтобы существенно развить их семантический и метасемиотический потенциал. Например, устойчиво ассоциируемая с Иоанном Крестителем единица 'fōr(e-renner' ('предвестник, предтеча'), являющаяся словообразовательной калькой латинского элемента 'praecursor', как правило, не выстраивала образных рядов в религиозных пьесах. В работе П. Аппе [8], посвященной сопоставлению нескольких драматических переложений сюжета об Иоанне Крестителе (как пишет исследователь, он фокусируется на «двустороннем процессе ассимиляции и отклонения» [Там же, р. 8], на балансе преемственности и продиктованного протестантской доктриной разрыва с традицией), осуществляется значимая дифференциация между категориями скриптуальных образов и повествовательных элементов, (1) присущими мистериальным адаптациям данного сюжета и воспроизведенными Бэйлом; (2) присущими другим образцам и намеренно пропущенными в пьесе Бэйла; (3) подверженными значительной реинтерпретации у Бэйла. Концепт крещения Иоанна как прообраза, предтечи грядущего относится как раз к третьей категории: в рамках произведения Бэйла функция Предтечи заключается не только в подготовке явления Христа. Само это событие сигнализирует, по задумке епископа, воцарение новой эпохи — времени торжества протестантской (то есть истинной, в интерпретации Бэйла) веры, сменяющей систему прежнего (католического) мироустройства, характеризующегося культом патристической экзегезы и символических обрядов. Мотив разделения времени на прошлое и грядущее и связанной с ним приуготовительной роли Иоанна Бэйл стремится развить через задействование самых разных стилистических средств. В частности, расширению семантического и метасемиотического потенциала упомянутой ранее единицы 'fōr(e-renner' способствует включение в текст пьесы таких лексических элементов, как ингерентно коннотативные (коннотация стилистического плана) глаголы 'prēvent(en)' (напрямую < лат. 'praeventus') и 'prēparāt(en)'; также заимствованный напрямую из латыни (< 'praeparātus'), существительные-галлицизмы 'messāġĕr', 'passe-porte'. Глагол 'prēvent(en)' в тексте пьесы Бэйла обозначает 'предвосхищать' (это значение в современном английском практически никогда не ассоциируется с данным элементом) и воспроизводится в следующем контексте: «Чье [Иисуса] целительное пришествие Иоанн Креститель предвосхитит,/Проповедуя покаяние, Его великий путь чтобы приготовить» (*Whose wholsom communge Johan Baptyst wyll prevent,/Preachynge repentaunce, Hys hygh way to prepare*). Соположение семантически совпадающих глаголов 'prēvent(en)'/ 'prēparāt(en)' с ингерентно коннота-

тивным элементом 'prēching(e)' производит эффект паронимической аттракции и концептуально связывает идею ожидания явления Христа как рубежа эпох с темой «целительной» проповеди Предтечи. Субстантивный элемент 'passe-porte' встречается в рамках фразы «Крещение мое для вас сигнализирует/Прощение Христа, если в ваших грехах вы покаетесь... оно гарантирует благодать,/Закрепляя вам разрешение [попасть] на небеса» (*Thys baptyme of myne to yow doth represent/Remyssyon in Christ, in case your synnes ye repent... it assureth yow of grace,/Sealyng your pasport unto the hyghar place*). Таким образом, единица развивает свою семантику далее номинативного значения ('разрешение путешествовать на определенной территории') и функционирует метафорически, обозначая 'отпущение греха, божественное разрешение попасть в рай'.

Кроме того, идея приближения момента смены эпох реализуется с помощью лексического повтора и приема морфологического варьирования. В пьесе Бэйла до явления Христа многократно повторяются семантически тождественные адгерентно коннотативные глаголы 'ap(p)rōch(en)'; 'ap(p)ēr(en)' и герундий 'cōminge'. Это синонимическое дублирование призвано усилить эффект ожидания сына Божьего и грядущих перемен. Для этой же цели Бэйл задействует прием соположения морфологических вариантов: в данном случае речь идет, например, о (1) соположении заимствованного из латыни субстантивного элемента 'prēparāciōn' и образованного от него путем регрессивной деривации глагола 'prēparāt(en)'; (2) чередовании глагола 'cōm(en)' и соответствующего герундия 'cōminge'. Этот прием ассоциировался в эстетической парадигме, формирующейся в начале ранненовоанглийского периода, с высоким стилем (*aureate style*). При анализе ранненовоанглийского художественного текста необходимо осознавать актуальную эстетическую значимость стилистической концепции «изобилия» (*coria*). Одним из основных способов реализации принципа стилистического изобилия являлось использование приемов варьирования, которые, как отмечает С. Адамсон, «обыгрывают элемент устойчивости или повтора, противопоставленный элементу изменчивости» [14, р. 549]. Прием соположения морфологических вариантов, как и, например, синонимическое дублирование, относился как раз к средствам варьирования: план содержания в целом остается неизменным, план выражения полностью (в случае соположения семантически совпадающих единиц) или частично (в случае соположения морфологических вариантов) меняется. Кроме того, Бэйл акцентирует идею смены эпох другими морфологическими средствами: например, устойчиво воспроизводятся конструкции с формами настоящего/прошедшего времени (для указания на уходящую эпоху) и футурума (для указания на приближение явления Христа и торжества новой протестантской эры). Например, толковник (*Baleus Prolocutor* – ла-

тинизированное наименование Бэйла, дословно «Бэйл говорящий [от имени кого-либо, назначенный кем-то] произносит фразу «Закон [традиции, обряды] и Пророки движутся теперь быстро к концу, /Что были лишь тенями и предзнаменованиями его [Иисуса] явления» (The Lawe and Prophetes *draweth* now fast to an ende, /Which were but shaddowes and fygures of hys commynge) и поясняет, используя формы будущего времени: «Царство Христа теперь начнет процветать» (The kyngdome of Christ *wyll* now *begynne to sprynge*), «Теперь Мессия... Явится миру, людям наглядно» (Now *shall* Messias... *Apere* to the worlde in manhode evydent). Приведенный анализ призван продемонстрировать, что для реализации значимой для Бэйла идеи задействуются и лексические, и морфологические средства, а особая синтагматическая организация (соположение синонимов и морфологических вариантов) способствует существенному развитию семантического и метасемиотического потенциала изначально нейтральных (с точки зрения эмоционально-оценочной коннотации) единиц, которые именно в контексте пьесы обретают маркированность. Вообще развитие адгерентно коннотативных единиц составляет, пожалуй, самую сильную, отличительную и репрезентативную сторону поэтики анализируемой реформационной пьесы.

В обеих пьесах, тем не менее, преобладающую долю стилистически маркированных элементов составляют ингерентно коннотативные единицы. Наиболее значимой подкатегорией ингерентно коннотативных элементов оказываются существительные с отвлеченной семантикой. В случае обоих драматических образцов большинство абстрактных существительных можно классифицировать в соответствии с развиваемой семантикой на несколько логически противопоставленных групп. В среднеанглийской пьесе это: элементы, развивающие семантику блаженства ('mirth(e), 'joi(e), 'glē, 'blis(se)); элементы, связанные с семантикой грешности ('trespās, 'prīd(e), 'wrecchednes(se)), элементы, связанные с концептом покаяния и смирения ('amēnde(s), 'penaunce'). Единицы этой категории в среднеанглийской пьесе призваны развивать отвлеченный план, и значимым со стилистической точки зрения фактом в данном случае оказывается глобальная взаимосвязанность всех абстрактных существительных. Коннотативные абстрактные существительные в пьесе Бэйла также соотносятся с традиционными для религиозного дискурса дихотомиями: грешное (гордое, мятежное, алчное)/праведное (смирненное); спасение (покаяние)/обречение на проклятие Божье и т. д. Однако стилистическая организация произведения Бэйла отличается тем, что практически все абстрактные существительные формируют бинарные или более развернутые синонимические ряды, что, как уже отмечалось, соотносится со значимой в XVI в. художественной стратегией варьирования. Например, вводятся следующие ряды синонимов (в том числе контекстуальных), семантически раскрывающих тему грешного и часто

обладающих коннотацией и эмоционально-оценочного, и стилистического плана (возвышенные слова): «лукавство и безрассудство» (deceyte and temeryte), «ваша безнравственность, гордость и лицемерие» (your malyse, your pryde and hypocresye), «вся мерзость и ложное притворство» (all fylth and false dyssymulacyon). Благодаря соположению указанные элементы реализуют в контексте максимально абстрактное значение, реализуют эффект синонимической конденсации.

Одним из наиболее частотно воспроизводимых типов синтагматической организации маркированных элементов в анализируемых пьесах можно считать описательные атрибутивные словосочетания. В обеих пьесах во многих случаях воспроизводятся сочетания с определяемым существительным и одним адъективным элементом в пре- или постпозиции. В среднеанглийский период, как отмечает О. Фишер, четко закрепленного порядка этих элементов не было, и введение адъективной единицы в постпозиции не было редким явлением [13, р. 214]. При этом исследователь отмечает, что «под влиянием французского... заимствованные прилагательные (которые использовались в постпозиции в старофранцузском) часто помещались после определяемого слова»; кроме того, «если задействовались два адъективных элемента, один мог предшествовать определяемому, а один стоять после него, либо оба могли следовать за определяемым словом» [Там же, р. 214]. Что касается ранненовоанглийского периода, согласно У. Донс, большинство лингвистов признает, что «модель “определяющее слово (прилагательное)–“существительное” использовалась чаще всего» [6, р. 170]. При этом Донс, ссылаясь на работу М. Горлач [7, р. 104], констатирует, что «появление прилагательного в постпозиции... было явлением более частотным для ранненовоанглийского, чем для современного английского, и фиксируется во всех регистрах» [6, р. 170]. Исходя из приведенных фактов, можно заключить, что в обеих пьесах любой порядок элементов в рамках атрибутивного комплекса не может сам по себе указывать на стилистическую маркированность. Теперь предлагается рассмотреть конкретные образцы коннотативных атрибутивных словосочетаний из среднеанглийской мистерии. Во-первых, в значительном количестве случаев в роли определения здесь служат интенсифицирующие значение единицы 'gōd' ('благостный', 'надлежащий')/'grēt' ('великий'), например: «благостное покаяние» (good penauns), «великий грех» (grett synne), «великие муки» (gret sorow). Функция таких адъективных элементов сводится к усилению экспрессивности. В большинстве остальных атрибутивных комплексов обсуждаемого структурного типа обнаруживаются прилагательные, которые также можно считать конвенциональными в рамках религиозного дискурса: «грешная жизнь» (synful lyff), «от путей грешных» (from weys wylde), «души грешные (темные)» (develys derke). Для большинства атрибутивных групп в ранненован-

глийской пьесе характерны те же признаки, что были выявлены ранее в связи с функционированием коннотативных абстрактных существительных: глобальная семантическая взаимосвязанность, расширение значения, функция создания единого отвлеченного плана. Однако в тексте Бэйла появляются и многокомпонентные комплексы с несколькими определениями, состоящими в отношениях (контекстуальной) синонимии, например: «назойливый лепечущий глупец» (*a busye pratlynge fole*), «самым смиренным кротким образом» (*in most meke humble wyse*), «бесплодные неплодоносные деревья» (*unfruteful, wythered trees*).

Таким образом, на примере особенностей функционирования интертекстуальных вкраплений, отсылающих к Священному Писанию, коннотативных элементов, в том числе абстрактных существительных, атрибутивных комплексов было продемонстрировано, что стилистическая организация проанализированной среднеанглийской пьесы преимущественно опирается на задействование частотных ингерентно коннотативных единиц, являющихся конвенциональными для религиозного дискурса. Стилистическое своеобразие пьесы «Крещение» определяется во многом тем фактом, что подобранные элементы оказываются взаимосвязанными и

выстраивают единый отвлеченный план. Те же средства используются и Бэйлом для ориентации на эстетику тождества, однако в его пьесе среднеанглийские модели усложняются, прежде всего, за счет лексического повтора и синонимического дублирования (с реализацией синонимической конденсации и лексической полифонии, в том числе, вводятся бинарные ряды прилагательных в рамках многокомпонентных атрибутивных комплексов), а также морфологических средств, особенно приема соположения морфологических вариантов. Взаимодействие этих средств позволяет существенно развить объем семантических и метасемиотических свойств элементов, в частности, изначально нейтральные слова обретают маркированность, ряд слов актуализирует максимально отвлеченное значение или соотносится с богатой метафорической системой. Сообразно эстетическим принципам формирующегося в ранненовоанглийский период высокого стиля, каждый значимый концепт в пьесе Бэйла обретает целый ряд реализаций (план выражения постоянно варьируется при едином плане содержания). Результаты анализа позволяют заключить, что Бэйл искусно сочетает традиционные для средневековой драмы способы создания эстетического эффекта с теми, что стали актуальными именно в начале ранненовоанглийского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С.314-322.
2. Baptism (Play 22) // *The N-Town Plays* / Ed. by D. Sugano. Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 2007. URL: <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/sugano-n-town-plays-play-22-baptism> (дата обращения: 11.08.2020).
3. Barclay W. *The Gospel of Luke*. Louisville: Westminster John Knox Press, 2001. 355p.
4. Chase R.S. *Making Precious Things Plain. Old Testament Study Guide, Pt. 3: The Old Testament Prophets*. Vol. 9. Washington: Plain & Precious Publishing, 2010. 486p.
5. Dapaah D.S. *The Relationship Between John the Baptist and Jesus of Nazareth: A Critical Study*. Lanham: University Press of America, 2005. 205p.
6. Dons U. *Descriptive Adequacy of Early Modern English Grammars*. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2012. 315p.
7. Görlach M. *Introduction to Early Modern English*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 456p.
8. Happé P. *Rejecting and Preserving: Bale's Dramatisation of the Baptism of Christ* // *Cahiers Elisabéthains*. Autumn 2014. Vol. 86. P.8-22.
9. Lancashire I. *Dramatic Texts and Records of Britain: A Chronological Topography to 1558*. Toronto/Buffalo: University of Toronto Press, 1984. 633p.
10. *Medieval Drama: An Anthology* / Ed. by G. Walker. Oxford: Blackwell Publishing, 2009. 630p.
11. *The Cambridge Companion to Medieval English Literature 1100-1500* / Ed. by L. Scanlon. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 294p.
12. *The Cambridge History of Medieval English Literature* / Ed. by D. Wallace. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 990p.
13. *The Cambridge History of the English Language*. Vol. II. 1066-1476 / Ed. by N. Blake. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 676p.
14. *The Cambridge History of the English Language*. Vol. III. 1476-1776 / Ed. by R. Lass. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 668p.
15. *The Electronic Middle English Dictionary (based on Middle English Dictionary)* / Comp. by H. Kurath, Sh. Kuhn. Michigan: University of Michigan, 2001. URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/> (дата обращения: 11.08.2020).
16. *The Helsinki Corpus of English Texts (a structured multi-genre diachronic corpus)* / Comp. by M. Rissanen, J. Tyrkkö. Helsinki: University of Helsinki, 2014. URL: <http://clarino.uib.no/korpuskel/simple-query> (дата обращения: 13.08.2020).

© Хавронич Алина Алексеевна (lene_rocks@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»